

A woman's face is seen through a window with rain streaks. The image is overlaid with a semi-transparent blue band containing the title text.

ДМИТРИЙ ФУРМАНОВ ФРУНЗЕ

Дмитрий Андреевич Фурманов

Фрунзе

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5735777*

Аннотация

«...У Фрунзе в кабинете совещанье, Фрунзе в штабе диктует приказы, Фрунзе в бессонные ночи никнет над прямыми проводами, Фрунзе тонкой палочкой водит по огромным полотнищам раскинутых карт, бродит в цветниках узорных флажков, остроглазых булабочек, плавает по тонким нитям рек, перекидывается по горному горошку, идет шоссейными путями, тонкой палочкой скачет по селам-деревням, задержится на мгновенье над черным пятном большого города и снова стучит-стучит-стучит по широкому простору красочной, причудливой, многоцветной карты...»

Содержание

Первая встреча	4
Весть об его смерти	6
Как собирался отряд	9
Последний вечер	13
Встреча в Уральске	17
Примиритель	20
Десять минут	22
Фрунзе под Уфой	25

Дмитрий Андреевич Фурманов Фрунзе

Первая встреча

Помню я – Иваново-Вознесенск, 1917 год, жуткий голод, неисходную безработицу, армию раздетых, голодных ткачей. А наряду с тем – кипучая работа в фабзавкомах, закреп Советской власти, строительство новой, красноткацкой Иваново-Вознесенской губернии: из кусочков Владимирской, Ярославской и Костромской надо было сшить свою, текстильную. Фрунзе в те дни работал председателем Шуйского Совета. И его вызвали в Иваново – на это новое, большое дело. В конце года были съезды – на этих съездах и решали вопросы организации губернии, в работах съездов первая роль принадлежала Михаилу Васильевичу Фрунзе.

Я первый раз увидел его на заседании и запечатлел в памяти своей добрые серые глаза, чистое бледное лицо, большие темно-русые волосы, откиннутые назад густою волнистой шевелюрой. Движенья Фрунзе были удивительно легки, просты, естественны – у него и жестикуляция, и взгляд, и положение тела как-то органически соответствовали тому, что он

говорил в эту минуту: говорит спокойно – и движенья ровны, плавны и взгляд покоен, все существо успокаивает слушателей; в раж войдет, разволнуется – и вспыхнут огнями серые глаза, выскочит по лбу поперечная строгая морщинка, сжимаются нервно тугие короткие пальцы, весь корпус быстро переметывается на стуле, голос напрягается в страстных высоких нотах, и видно, как держит себя Фрунзе на узде, как не дает сорваться норову, как обуздывает кипучий порыв. Прошли минуты, спало волнение – и вошли в берега передрожавшие страсти: снова кротки и ласковы серые глаза, снова ровны, покойны движенья, только редко-редко вздрогнет в голосе струнка недавнего бурного прилива. Я запечатлел образ Фрунзе с того памятного первого заседания в семнадцатом году, и сколько потом ни встречался с ним в работе, на фронтах ли – я видел всегда его таким, как тогда, в первый раз: простым, органически цельным человеком.

От общения с ним, видимо, у каждого оставался аромат какой-то особой участливости, внимания к тебе, заботы о тебе – о небольших даже делах твоих, о повседневных нуждах.

Недаром и теперь, когда встал он на высочайшем посту народного комиссара, – и теперь ходили к нему на прием все запросто и блузники-ткачи и крестьяне-лапотники, шли к своему старинному подпольному другу, к Мише, которого еще по давним-давним дням знали и помнили как ласкового, доброго сероглазого юношу.

Весть об его смерти

В начале этого года погиб драматической смертью старый большевик, иваново-вознесенский ткач, Семен Балашов, «Странник», как звали его в подполье. И мы тогда, иваново-вознесенцы, живущие в Москве, собирались, обсуждали, как отозваться на эту смерть, как хоронить. Прошло почти полгода – и снова собираемся за тем же столом, те же, что тогда, но обсуждаем иной вопрос: как отозваться на смерть дорогого земляка, Михаила Васильевича *Фрунзе*. Тот раз и сам Фрунзе ходил к балашовскому гробу, теперь надо его хоронить.

У каждого так много-много есть что вспомнить и что сказать, но больше молчим, не вяжутся речи, обрывками слов толкуем про делегацию из Иваново-Вознесенска в пятьсот человек, про комиссию по увековечению памяти, про сборник, что-то еще...

Вот сидит – поникшая, печальная – старая когорта подпольщиков. Они помнят мальчика Мишу, совсем безусого юнца, когда держал он пламенные речи на людных рабочих митингах, знают его по каторжным централам, где юный большевик «Арсений» воодушевлял, заражал товарищей своей бодростью, свежестью, непоборимой верой в победу, – победу великого дела борьбы.

Они его помнят по тюрьмам, по ссылке, знают, как он спо-

койно, мужественно ожидал виселицу... Летучие мысли, памятки, воспоминанья...

Потом пошли в Колонный зал.

Там траурной сетью обвиты стены, там в тысячах огней горит зал, но невесело его сиянье, тускл этот похоронный свет пустых огромных комнат. Склонились знамена, в черных лентах замер портрет красного полководца. Тихи разговоры, задушены горечью, болью стиснуты речи – так тихо бывает только в комнате труднобольного, когда близка смерть.

Уж полночь – скоро из больницы привезут гроб. Мы выстроились в ряды, ждем, – скоро принесут. И вот – заплакал оркестр похоронным маршем, вздрогнули наши ряды, головы обернулись туда, где колыхалась красная гробница. Внесли, поставили, первый караул встал на посту – члены Политбюро ЦК. За ними новый караул, и новый, и новый – бесменные караулы у гроба полководца...

Вот Надежда Константиновна – скоро два года как первый раз стояла она здесь у изголовья другого гроба. Как сложны должны быть чувства, как мучительно должно быть теперь ее состояние, – не прочтешь ничего в глубоких морщинах лица: так оно много вобрало в себя страданья, что остыло в сосредоточенном недвижном выраженье – лучатся только горем выцветшие очи верного друга великого человека.

Мы дежури́м в третьем часу.

Стою, смотрю в это мертвое лицо, на черную ленту волос,

на просек ресниц, на глаза, закрытые смертью навек, на сомкнутые крепко губы – и вспоминаю всю свою жизнь, встречи с этим бесконечно дорогим человеком, сыгравшим в жизни моей большую роль. Но об этом не теперь, будет время – вспомним.

Проходят вереницы в почетные караулы – до утра не редет толпа. А с утра приливают новые волны, отряд за отрядом, – идет Москва к праху славного воина.

Как собирался отряд

Иваново-Вознесенск. Конец 1918 года. Заседает бюро губкома – обсуждают вопрос о необходимости создать спешно рабочий отряд, пустить его на колчаковский фронт. Говорит Фрунзе:

– Положение совершенно исключительное. Так трудно на фронте еще не было никогда. Надо в спешнейшем порядке сделать армии впрыскивание живой рабочей силы, надо поднять дух, укрепить ее рабочими отрядами, мобилизовать партийных ребят – ЦК проводит партийную мобилизацию...

А нам, иванововознесенцам, колчаковский фронт важен вдвойне – там пробьем дорогу в Туркестан, к хлопку, пустим снова наши стынувшие в безработице корпуса...

Я помню – все мы, верно до последнего человека, заявили о готовности своей идти на фронт. Но нельзя же отпустить целый губком – стали делать отбор.

И какое было жадное соревнование: наперебой каждый рвался, чтоб отпустили именно его, высказывал доводы, соображенья... В личной беседе, еще раньше, Фрунзе говорил мне, что берет с собой; он уже назначался командовать IV армией. И каков же был удар, когда я узнал, что вместо меня едет Валерьян Наумов. Я устроил сцену и Валерьяну и Фрунзе.

– Ну, как-нибудь там устройте... может, и отпустят... –

посоветовал Михаил Васильевич.

Переборол. Согласились. Уже много позже дали бумагу в том, что являюсь: «...уполномоченным Иваново-Вознесенского Губернского Комитета Российской Коммунистической Партии по препровождению Отряда Особого Назначения при IV армии в район действий этой армии.

За председателя *А. Баронский*
Секретарь *Калашиников*».

На этом же заседании постановили и про отряд. У меня сохранился самый документ. Вот он:

*«Выписка из журнала заседания
Бюро Губернского Иваново-Вознесенского Комитета
Российской*

Коммунистической Партии от 26 декабря 1918 года.

1. Ввиду особой важности для нашего промышленного текстильного района скорейшего завоевания *Оренбург-Ташкентского* направления;

2. Ввиду необходимости поднять настроение стоящих там красноармейских частей и

3. Принимая во внимание отъезд на этот участок фронта председателя Губернского Комитета партии товарища Фрунзе – постановляется:

Организовать Отряд Особого Назначения из рабочих Иваново-Вознесенского текстильного района и отослать его в район действий IV армии.

За председателя А. Воронский

Секретарь *Калашников*

? 89.

25 января 1919 года.

Иваново-Вознесенск».

Мы горячо взялись за отряд – рабочие шли охотно, в короткий срок набралось как надо. Приодели из последнего, добыли с трудом оружие – кажется, сносились с Москвой, свезли оттуда.

Наташили литературу, в Гарелинских казармах, где стояла часть отряда, вечерами занимались культработой, готовились к фронтовой борьбе, – понимали, что придется действовать не только штыком, но и дельным, нужным словом. Особенно помнится мне в эти дни близкий друг Фрунзе – Павел Степанович Батурин. Он в те дни заведовал губернским отделом народного хозяйства. Но при организации отряда он все время возился с оружием, отовсюду собирал его, раздавал отряду.

Позже, в конце 1919 года, прислал его Фрунзе вместо меня, отозванного на другую работу, – комиссаром Чапаевской дивизии. Но недолго проработал он на этом посту – казацкий налет изрубил штаб, изрубил политический отдел, погиб тогда в жестокой сече и славный комиссар Павел Батурин.

Мне помнится, он все рассказывал про Фрунзе, как тот сидел во Владимирском центре, как ему Павел Степанович переправлял туда книги, рассказывал диковинные вещи

про смертника Фрунзе: в заключение он не потерял бодрость настроения, много занимался собою, изучал что было можно, для товарищей являлся лучшим образцом, подбадривал их своим примером.

Отряд был готов. Погрузились. Проводили нас тысячные толпы рабочих, наказывали не посрамить красную губернию ткачей, клялись не забывать наши семьи, помогать им в трудные дни.

Мы приехали в Самару, там ждал приказ Фрунзе – направиться немедленно в Уральск.

Так началась боевая история славного Иваново-Вознесенского полка – он бился с Колчаком, потом ходил на Польский фронт – в рядах героической Чапаевской дивизии.

И в самые тяжкие минуты помнили бойцы своего командира Фрунзе, воодушевлялись одною мыслью, что он где-то здесь, около них, что он руководит борьбою...

Последний вечер

В конце восемнадцатого года, когда решен был вопрос об отправке на фронт из Иваново-Вознесенска рабочего отряда, мы, группа партийных тамошних работников, собрались на разлуку: многие из нас уезжали вместе с отрядом.

Собрались запросто посидеть, потолковать, обсудить обстановку, создавшуюся в губернии в связи с отъездом такой массы ответственных партийцев. Были тут: Любимов, Андреев, Игнатий Волков, Калашников, Шорохов Дмитрий Иванович, Валерьян Наумов, всего что-то человек двадцать – двадцать пять. Мы понимали, что собираемся, может быть, последний раз, что больше в таком составе не собраться уже никогда – открывалась перед нами новая полоса жизни. Вот мы рассыплемся по фронту, вот перекинемся на окраины, зацепимся на боевых, командных, на комиссарских постах, может быть, застрянем где и по гражданской работе в прифронтной полосе.

Так думали, так оно и случилось – мы уже потом, через годы, совсем неожиданно сталкивались друг с дружкой где-нибудь на Урале, в Сибири, в Поволжье, даже в далекой окраине Туркестана, в Джетысуйской области. Иные уж и совсем не воротились назад: в первых же боях с уральскими казаками погиб старейший большевик Мякишев; потом зарубили казаки же под Лбищенском Павла Батурина, а где-то под

Пугачевом, окружив и скрошив наш полк, озверевший враг надругался над трупом рассеченного в бою незабываемого бойца и комиссара Андреева.

Да, мы знали тогда, в этот прощальный вечер, что собираемся в последний раз. С нами был и Фрунзе – он вскоре принимал командование армией, уезжал в Самару. Сколько там выхлестнуто было пламенных речей, сколько было пролито дружеских настроений, сколько раскатилось гневных клятв, обещаний на новые встречи, какая цвела там крепкая, здорovenная уверенность в счастливом исходе боевой страды!

Помню, Фрунзе говорил все про свое, про заветное:

– Ну, что ж тяжело – может быть и тяжелее... Нам бы вот теперь эту пробку откупорить, что под Оренбургом, – там прямая дорога к туркестанскому хлопку...

Эх, хлопок, хлопок, как бы ты разом на ноги встряхнул наши притушенные корпуса...

И когда мы потом очутились на фронте – казалось: самая острая мысль, самое светлое желанье Фрунзе устремлены были именно к Туркестану.

Лишь только «откупорили оренбургскую пробку» – Фрунзе сам помчал в Ташкент, и с какой он гордостью, с какой радостью сообщал тогда всем о первых хлопковых эшелонах, тронутых на север: видно, в этот момент осуществлялась лучшая, желаннейшая его мечта...

Сидели и толковали мы тогда, в Иванове, про разное, говорили много и про голод рабочего района.

– Будем оттуда помогать, – сказал уверенно Фрунзе. – Как только малейшая возможность – глядишь, десяток-другой вагонов хлеба можно и дослать!

И помню, уже с фронта – сколько раз отсылал он голодным ткачам хлебные составы, сколько положил он тут забот, сколько выдержал осад из Наркомпрода, сколько крови попортил на спорах, на уговорах, на всей этой сложнейшей работе с заготовками и самостоятельной переправой эшелонов к Иваново-Вознесенску: в те дни задача эта была исключительно трудна.

И вот о чем, о чем только не говорили мы в тот памятный вечер – все зарубал Фрунзе в своей памяти, все осуществлял потом среди адской работы, несмотря ни на какую сложную обстановку.

Он свой северный край, Иваново-Вознесенский край, любил какой-то особенной, нежной любовью. Даже и теперь, в эти вот дни перед смертью, перед операцией, он наказывал кому-то из ближайших друзей – не то Любимову, не то Воронскому:

– А помру – похоронить меня в Шуе... там, – знаешь, что на Синовой горке...

И все-все припомнилось мне теперь из того незабываемого, прощального вечера.

Мы пели песни – запевал Любимов любимую свою:

Уж ты сад, ты мой сад,

Сад зеленый мой...

Мы хором подхватывали, дружно вели мелодию прекрасной печальной песни. Пел и Фрунзе. Он положил голову на ладонь и подтягивал. Пел, а серые умные глаза были свежи и трезвы, видно было, что и за песней все работает-работает без перебоя его мысль, не оставляют его какие-то тревожные думы.

Уж давно и далеко вглубь ушел тот вечер, ему восемь диковинных и великих годов. Уж многих нет из тех, что пели тогда про зеленый сад, а теперь вот ушел и лучший, первый между нами, нет любимого Михаила Васильевича, нет прекрасного и редкостного человека с мудрой головой и с нежным, с детским сердцем.

Встреча в Уральске

Иваново-вознесенский рабочий отряд временно задержали в Самаре. Нас четверых: Игнатия Волкова, Андреева, Шарапаева, меня – Фрунзе спешно вызывал в Уральск. Стояла глухая зима 1919 года. Красная линия фронта была под самым Уральском, что-то в верстах двадцати – тридцати. Мы ехали степями на перекладных и дивились на сытую жизнь степных богатых сел-деревень. После голодного Иваново-Вознесенска, где месяцами не давали хлеба ни единого фунта, где жили люди картофельной шелухой, а картошку ели взасос и на закуску, нам после этого сурового голода степная жизнь показалась сказочно привольной, удивительной и не похожей ничуть-ничуть на ту жизнь, которою жили мы вот уже полтора голодных года.

Было здесь и другое, что отличало степную жизнь от нашей северной: близкое дыхание фронта. Степь была, как вооруженный лагерь – она полна была и людьми, и лошадьми, и скотом, и хлебом – мобилизована для фронта. Здесь и разговоры были особенные – все про полки, про казачьи сотни, про недавние бои, про смерть близких людей. Попадались то и дело раненые, приехавшие в семьи на поправку. Мы остро чувствовали, что едем в новую жизнь.

Приехали в Уральск. Уральск – просторный степной город, в нем сгрудилось в те дни огромное количество войск:

отсюда уходили полки на позицию, сюда приходили со смены, здесь отдыхали, чинились, подкреплялись и уходили снова. По городу грохотала непрерывная пальба, не то учебная, не то случайная, на удаль, как здесь в то время говорили, – «огонь по богу!». Помнится, встретились с одним из ближайших помощников Фрунзе, с Новицким Федор Федоровичем, он с ужасом заявил:

– Черт знает чего палят. И поверите ли, за сутки больше двух миллионов патрон ухлопают... Не взять еще сразу нам в руки... ну, да посмотримся, остепеним...

И в самом деле – остепенили: пальбу и весь этот вольный разгул утишили скоро, – особенно же когда влились сюда иваново-вознесенские ткачи.

Мы как только приехали в Уральск, заторопились увидеть Фрунзе, а он – на позиции. Мы его увидели только ввечеру. И, помним, рассказывал тот же Федор Федорович:

– Насилу его удержишь, Михаила Васильевича: все время выскакивает вперед... Мы уже спрятались за сарай, оттуда и наблюдали... а его все придерживали около себя... да и бой-то вышел нам неудачный... чуть в кашу не попали...

Мы входили в комнату Фрунзе, он сидел, склонившись над столом, на столе раскинута карта, на карте всевозможные флажки, бумажки, пометки... Кругом в почтительных позах старые полковники – военные специалисты – обсуждали обстоятельства минувшего неудачного боя, раскидывали мысли на завтрашний день.

Фрунзе принял нас радостно, приветливо сжал руки, кивнул на диван, показал глазами, что надо обождать, когда окончится совещание. И потом, когда спецы ушли и мы остались одни, он подсел к нам на диван, обернулся из командующего – старым милым товарищем, каким знали, помнили его по Иваново-Вознесенску, завел совсем иные разговоры – про родной город, про наши фабрики, расспрашивал, как живут рабочие, как мы ехали с отрядом, узнавал, какое на­строение в степи, как мы сами тут устроились в Уральске. Рассказывал про сегодняшний неудачный бой, про новую, замышляемую нами операцию, прикидывал, кого из нас куда послать... Мы просидели, проговорили до глубокой ночи. Шли к себе в номер, беседовали:

– А под глазами-то кружки... осунулся.

Прожелтел...

Мы не видели его всего-навсего два месяца, а перемена была уж так заметна. Дорого доставалась ему боевая работа.

Скоро мы все разъехались к действующим частям, утеряли из виду Михаила Васильевича на долгие месяцы.

Примиритель

Близкие друзья когда поспорят, так крепко: наотмашь, сплеча, не жалея самого дорогого – свою дружбу.

Как-то злые и нервные до предела ехали мы в степи с Чапаевым. Он слово – я слово, он два – я четыре. Распалились до того, что похватались за наганы. Но вдруг поняли, что стреляться рано, – одумались, смолкли. И ни слова не говорили весь путь – до штаба кутяковской бригады. Отношения переменялись как-то вдруг, и мы ничего не могли поделаться с собой. Экспансивный и решительный, мало думая над тем, что делает, – Чапаев написал рапорт об отставке. Дал телеграмму Фрунзе, что выезжает к нему для доклада. А я знал, о чем будет этот доклад, – Чапаев в горячах может наделать всяких бед. И я послал Фрунзе поперечную телеграмму: не разрешайте, мол, Чапаеву выезжать на доклад, скоро приедем вместе, тогда выясним дело.

Фрунзе Чапаеву воспретил приезд. Прошли дни горячих боев – мы собрались, поехали в Самару.

Звоним из штаба на квартиру:

– Михаил Васильевич дома?

У телефона жена Фрунзе, Софья Алексеевна:

– Дома. Лежит больной, но вас примет. Только, пожалуйста, недолго, не утомляйте его...

Приехали. Входим. Михаил Васильевич бледный, заму-

ченный лежал в полумраке, улыбнулся нам приветно, усадил около, стал расспрашивать. Говорит о положении на фронте, о величайших задачах, которые поставлены нашим восточным армиям, спрашивается о наших силах, о возможностях, рассказывает про Москву, про голод северных районов, про необходимость удешевить наш нажим, столкнуть Колчака от Волги. Говорит-говорит, а про наше дело, про ссору нашу ни слова – будто ее и не было вовсе. Мы оба пытаемся сами заговорить, наталкиваем его на мысль, но ничего не выходит – он то и дело уводит беседу к другим вопросам, переводит разговор на свой, какой-то особенный, нам мало понятный путь. И когда рассказал что хотел, выговорился до дна – кинул нам, улыбаясь:

– А вы еще тут скандалить собрались? Да разве время, ну-ка подумайте... Да вы же оба нужны на своих постах – ну, так ли?

И нам стало неловко за пустую ссору, которую в запальчивости подняли в такое горячее время. Когда прощались, мы чувствовали оба себя словно прибитые дети, а он еще шутил – напутствовал:

– Ладно, ладно... Сживетесь... вояки!

Мы с Чапаевым уходили опять друзьями – мудрая речь дорогого товарища утишила наш мятежный дух.

Десять минут

Иной летучий, крошечный фактик так врезается в память, что не забыть его во всю жизнь. Это значит, что фактик этот по существу своему был не мелочью, что действие его было глубокое, что смысл его был серьезен и только внешняя форма – летучесть, краткость, внезапность – отпечатлели его как мелочь.

Как-то в 1919 году, в апреле – мае, полки кутяковской бригады расколотили колчаковскую часть. Уж не помню, насколько значительна и важна была эта победа, не помню, были ли какие трофеи, выигрывалось ли особо серьезно положение. Но после удручающих весенних неудач и этот выигранный бой был на виду. Штаб бригады стоял в какой-то татарской деревушке. Маленькая закуренная комнатка, телефоны, аппараты на столе, склоненные чирикающие телеграфисты, Кутяков сидит в углу, шепчется с начштабригом. То и дело взвизгивает дверь в избу – командиры ли, вестовые входят, иной раз в латаной шапке, в ватном балахоне прорвется житель-татарин с жалобой за теленка, за хлеб, за утащенные неведомо кем и когда лопату, бадью, оглоблю...

В штабе шум и гул, в штабе чирикающий непрерывный говор аппарата... И вдруг тихо:

– Фрунзе приехал...

– Как Фрунзе, где?

– Сюда не смог – машина стала в грязи... Подходит пешком... С ним какой-то усатый... Ну уж, конечно, усатый этот – верный его боевой соратник, Федор Федорович Новицкий.

И в штабе вмиг все подтянулось, встало и село на свои места – словно и комната стала просторней, и аппарат заработал отчетливей, и взгляды у всех посвежели, забодрились, засветились.

Короткой и крепкой походью, как всегда, чеканно отступившая каблуками, – Фрунзе вошел в штаб. Ему было хотели рассказать про удачу, а он уже все знал; ему хотели рассказать про общее положение, настроенье татар-сельчан, про трудности с перевозкой артиллерии по этакой глинистой вязкой дороге, про медленный подвоз патронов, про нехватку, а он сам, прежде чем ему скажут, подсказывает то же самое: видно, сводка и отчеты не соскальзывали у него с памяти, а зацеплялись там какими-то крючочками и цепко держались до нужной минуты. Он пробыл недолго. Тут же, за этим штабным столом, наметил благодарственный приказ и передал его Кутякову:

– Распространить... Прочесть... Молодцы, ребята!..

Он пробыл всего, может быть, десяток минут – заглянул только по пути, торопился в другое место.

И после этого короткого визита – отчего же стало всем так легко, словно набрали полной грудью свежего воздуха и дышат – не могут надышаться.

Простые, нужные слова, этот освежающий, бодрящий

приказ, эта весть по полкам, что Фрунзе тут, около, и сказал спасибо ребятам за удачу – все это освежающей волной прокатилось по полкам, и полки помолодели, повеселели. Кажется, и крошечный фактик, а, видимо, важен, нужен был он в те дни и часы. Только весть о приезде и только дружеское слово любимого командира, а сколько от этого жизни, сколько заново уверенности в себе, какой подъем!

Фрунзе под Уфой

В весенние месяцы девятнадцатого года черной тучей повис над Волгой Колчак. Мы сдали Уфу, Белебей, Бугуруслан – в панике красные части россыпью катились на волжские берега. У Бузулука, под Самарой, у Кинеля взад и вперед метались эшелоны, мялись на месте разбитые, упавшие духом полки.

Казалось – ничто уж не может теперь вдунуть дух живой этим войскам, потерявшим веру в себя.

Передовые разъезды Колчака рыскали в сорока верстах от Бузулука, выщупывали Поволжье, шарили наши части. Близились дни драматической развязки.

Накругло сутки – в кабинете Фрунзе, в оперативном отделе, в штабе наших войск – кипела страстная работа. Быстро снимались и сгонялись в глубокий тыл те красные полки, у которых наглухо схлопнулись боевые крылья; туда, где теплилась чуточная надежда, вливали здоровые, свежие роты, ставили новых, крепких командиров, гнали из тыла в строй отряды большевиков, целительным бальзамом оздоравливали недужный организм армии; с других участков, с других фронтов перекидывали ядреные, испытанные части, в лоб Колчаку поставили стальную дивизию чапаевских полков. Гнали на фронт артиллерийские резервы, гнали ящики патронов, винтовки, пулеметы, динамит, гнали продоволь-

ствие хозяйственным частям: тыл в эти дни фронту служил как никогда. «Все для фронта» – и железной рукой проводили в жизнь этот мужественный и страшный лозунг.

У Фрунзе в кабинете совещанье, Фрунзе в штабе диктует приказы, Фрунзе в бессонные ночи никнет над прямыми проводами, Фрунзе тонкой палочкой водит по огромным полотнищам раскинутых карт, бродит в цветниках узорных флажков, остроглазых булабочек, плавает по тонким нитям рек, перекидывается по горному горошку, идет шоссейными путями, тонкой палочкой скачет по селам-деревням, задержится на мгновенье над черным пятном большого города и снова стучит-стучит-стучит по широкому простору красочной, причудливой, многоцветной карты...

Около – Куйбышев, чуть крепит бессонные темные глаза, встряхивает лохматую шевелюру; они советуются с Фрунзе на лету, они в минуты принимают исторические решения, гонят по фронту, по тылу, в Москву – гонят тучи запросов, приказов, советов... И вместе с ними – неразлучные, верные, лучшие, которых только выбрал и знал и любил Фрунзе, – Федор Федорович Новицкий, Каратыгин... Они в те дни провели работу, которую еще не узнала и не оценила история: это они ночи насквозь корпели над мучительно-вздорными сводками фронта, вылавливали оттуда крупницы правды, отметили паническую или восторженную ложь, из этих крупниц составляли какую-то свою, особенную и мудрую правду, это они давали сырье Фрунзе, Куйбышеву, Ба-

ранову, Элиаве, чтоб из этого многоценного сырья крепкие головы отжимали самое нужное, из отжатого строили свои планы, из планов свивали грозную сеть, в которую должен был попасть Колчак. Кипел неугомонной, пламенной работой штаб.

Все понимали, какой момент, какая ответственность: здесь не здоровье, не отдых, не жизнь человеческая была дорога, здесь ставилась на карту сама Советская Россия. Бешеным потоком хлестала здесь через края творческая энергия этих удивительных людей: Фрунзе умел подбирать своих помощников. С Фрунзе не задремлешь – он разбередит твое нутро, мобилизует каждую крупинку твоей мысли, воли, энергии, вскинет бодро на ноги, заставит сердце твое биться и мысль твою страдать так, как бьется сердце и мучается мысль у него самого. Кто с Фрунзе работал – тот помнит и знает, с какой мукой и с какой неистовой радостью он всего себя, целиком, до последнего отдавал – и мысль, и чувство, энергию – в такие решающие дни.

Крепко сжат был для удара по Колчаку чугунный кулак Красной Армии.

Фронт почувствовал дыханье свежей силы. Вздрыгнул фронт в надежде, в неожиданной радости. Вдруг и неведомо как перестроились смятенные мысли, – полки остановились, замерли в трепетном ожидании перемен.

И вот наступили последние дни: Фрунзе повел полки в наступленье...

Как, неужели вперед? Неужели конец позорному бегству, неужто Красная Армия кинулась к новым победам?!

В необузданном восторге, круто обернувшись лицом к врагу – вдохновенные, строгие, выросшие на целую голову и не узнавшие себя, – бурной лавиной тронули вперед наши войска...

Вот сошлись с передовыми отрядами врага – легко и уверенно сбросили их назад. Крепла вера в себя. Вот снова ударились с грудью грудь – и снова отшибли вспять. Выросла вера в огромную силу. Вот первые трофеи, первые партии пленных, вот вести, что к нам перешел неприятельский полк, что дрогнул враг по всему фронту...

Вот они, первые вестники побед. О, какой радостью прокатились по красным полкам эти громовые раскаты первых победных дней! Все настойчивей, стремительней мчит вперед неудержимая красная лава. Уже за нами Бугуруслан, за нами Белебей, Чишма – мы выходим на берег бурной Белой, перед нами высоко по горе раскинулась красавица Уфа. Вот он, ключ к сибирским просторам, вот он город, который открывает широкую дорогу новым победам:

– Уфа должна быть во что бы то ни стало взята!

Колчак ушел за реку, он на нашем пути взорвал переправы, сжег запасы хлебов, фуража, изуродовал селенья – красные полки неслись пепелищами, голой ровенью уфимских просторов. Враг ошетинился на высоком уфимском берегу жерлами английских батарей, офицерскими полками, сталь-

ной изгородью крепких, надежных войск.

Фрунзе дал клятву взять Уфу, Колчак дал клятву въехать в Москву: две клятвы скрестились на уфимской горе. Уфу стремительно надо вырвать из цепких лап врага. Но как перейти эту бурную Белую, когда нет ни баржей, ни плотов, ни пароходов? Что эти лодочки, что эти бревнышки, сташенные нами к берегам против уфимского моста? Нет, главным ударом надо бить не здесь!

Где-то у Красного Яра, верстах в двадцати повыше Уфы, наша кавалерия остановила в пути два пароходишка, груженых офицерами: пароходы взяли, офицеров утопили в Белой. Эти пароходишки и должны были сыграть невиданную роль. Живо построили плоты, стянули к Яру дивизии: первой пойдет Чапаевская, первым полком из Чапаевской пойдет на тот берег Иваново-Вознесенский.

Вечером в Красном Яру совещанье всех командиров-комиссаров из стянутых к берегу частей. На совещании Фрунзе. Он тщательно взвешивает каждую мелочь, высчитывает, сколько часов в короткой июньской ночи, когда упадет в вечернем сумраке и снова займется заря, сколько можно бойцов вбить битком на пароходы и плоты, во сколько минут перебросят они на тот берег один, другой, третий полк... Взвешено все, узнана каждая мелочь – как на ладони весь план, как на ладони наши силы, наши возможности, выверены тонко и точно силы врага, предусмотрены жуткие случайности.

– Ну, ребята: разговорам конец, час пришел решительно-

му делу!

И ночью, в напряженной, сердитой тишине, когда белесым оловом отливали рокотные волны Белой, погрузили первую роту иваново-вознесенских ткачей... По берегу в нервном молчанье шныряли смутные тени бойцов, толпились грудными черными массами у зыбких, скользких плотов, у вздыхающих мерно и задушенно пароходов, таяли и пропадали в мглистую муть реки и снова грудились к берегу, и снова медленно, жутко исчезали во тьму...

Отошла полночь – тихой походью, в легких шорохах шел рассвет. Полк уж был на том берегу.

Полк перебрался неслышим врагом – торопливо бойцы полегли цепями: с первой дрожью сизого мутного рассвета они, неожиданные, грохнут на вражьи окопы.

Здесь, по берегу, всю команду вел Чапаев, – командовать полками за рекой усил Чапаев любимого комбрига Ивана Кутякова. За ивановцами вслед должны были плыть пугачевцы, разинцы, Домашкинский полк...

Наши батареи, готовые в бой, стоят на берегу, – они по чапаевской команде ухнут враз, вышвырнут врага из окопов и нашим заречным цепям расчистят путь... Время сжало свой ход, каждый миг долог, как час. Расплетались последние кружева темных небес. Проступали спелые травы в изумрудной росе. По заре холодок. По заре тишина. Редеющий сумрак ночи ползет с реки.

И вдруг – команда! Охнули тяжело гигантские жерла,

взвизгнула страшным визгом предзорная тишина: над рекой и звеня, и свистя, и стоня шарахались в бешеном лёте смертоносные чудища, рвалась в глубокой небесной тьме гневная шрапнель, сверканьем и огненным веером искр рассыпалась в жидкую тьму.

О-х... Ох...х... Ох...х – били орудия.

У... у... з... з... и... и... и... – взбешенным звериным табуном рыдали снаряды.

В ужасе кинулся неприятель прочь из окопов.

Тогда поднялся Ивановский полк и ровным ходом заколыхал вперед. Артиллерия перенесла огонь – была дальнюю линию, куда отступали колчаковские войска. Потом смолкла – орудия снимали к переправе, торопили на тот берег.

Переправляли Пугачевский полк – он берегом шел по реке, огибал крутой дугой неприятельский фланг. Иванововознесенцы стремительно, без остановки гнали перед собою вражью цепь и ворвались с налету в побережный поселок Новые Турбаслы. И здесь встали, – безоглядно зарваться вглубь было опасно. Чапаев быстро стягивал полки на том берегу. Уж переправили и четыре громады-броневика – запыхтели тяжело, зарычали, грузно поползли они вверх – гигантские стальные черепахи. Но в зыбких колеях, в рыхлом песке побережья сразу три кувырнулись, – лежали бессильные, вздернув вверх чугунные лапы. Отброшенный вверх неприятель пришел в себя, осмотрелся зорко, оправился, повернул к реке сомкнутые батальоны – и, сверкая штыками, дрожа пулемет-

тами, – пошел в наступление. Было семь утра.

В четырехчасовом бою Иванововознесенцы расстреляли запас патронов, новых не было, с берега свозили туго: пароходики грузили туши броневигов, артиллерию, перекидывали другие полки.

Иван Кутяков отдал приказ:

– Ни шагу назад. Помнить бойцам: надеяться не на што – сзади река, в резерве только... штык!

И когда неприятель упорно повел полки вперед, когда зарыдали Турбаслы от пулеметной дробы – не выдержали цепи, сдали, попятились назад. Скачут с фланга на фланг на взмысленных конях командир, комиссар, гневно и хрипло мечут команду:

– Ни шагу... Ни шагу назад! Принять атаку в штыки! Нет переправ через реку! Ложись до команды! Жди патронов!!

Видит враг растерянность в наших рядах – вот он мчитсь, близкий и страшный, цепями к цепям... Вот нахлынет, затопит в огне, сгубит в штыковой расправе...

В этот миг подскакали всадники, спрыгнули с коней, вбежали в цепь...

– Товарищи! Везут патроны... Вперед, товарищи, вперед! Ур-ра!!

И близкие узнали и крикнули дальним:

– Фрунзе в цепи! Фрунзе в цепи!

Словно током вдруг передернуло цепь. Сжаты до хруста в костях винтовки, вспыхнули восторгом бойцы, рванулись

слепо, дико вперед, опрокинули, перевернули, погнали недоуменные, перепуганные колонны. Рядом с Фрунзе в атаке Тронин, начальник Поарма. И первая пуля сразу пробила смелому воину грудь: теперь в том месте, где черная ранка, – золотой звездой горит на груди у него орден Красного Знамени.

Иван Кутяков Фрунзе вослед послал гонцов, наказал под дулом нагана:

– Следить все время. Быть около. Живого или мертвого, но вынести из боя, к переправе, на пароход!

Берегом уже гнали повозки патронов – их, ползком волоча в траве, разносили к цепям, как только полегли они за Турбаслами. И когда осмелели, окрепли наши роты – скакал обратно к пароходу Фрунзе. Вдруг грохнуло над головой, и он вместе с конем ударился оземь: коня – наповал, Фрунзе сотрясся в контузии. Живо ему на смену другого коня, с трудом посадили, долго не могли сговорить-совладать, чтоб справиться к пароходу – он, полубеспамятный, уверял, что надо остаться в строю...

Чапаев командовал на берегу: всю тонкую, сложную связь событий держал в руках. Скоро и он выбыл из строя – пуля пробила голову. Взял командование Иван Кутяков. Жарок шел до вечера бой. Ночью искрошили офицерские батальоны и лучший у врага Каппелевский полк. Утром грозно вступали в Уфу.

Из двух клятв, что скрестились на уфимских холмах, сбы-

лась одна: ворота к Сибири были распахнуты настежь.

Много ли вас осталось, бойцы уфимских боев? Я знаю – в страшном тифу, на безводье, в кольце казацких войск – вы долго бились на Урале, ходили вы и на панскую шляхту.

Не раз освежали заново ваши боевые ряды – сотни ткачей и пахарей полегли по степным просторам, полегли под губительным польским огнем.

Но те, что остались, – над свежей могилой помяните теперь прощальным словом своего боевого командира.

[1925]